КОГДА ОЖИВАЕТ СЕРДЦЕ

БЕЙЛИ ХАННА

INSPIRIA
Москва

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Х19

Bailey Hannah

ALIVE AND WELLS

Copyright © 2023 by Bailey Hannah
All rights reserved
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

cover art design by Ever After Cover Design
Фото автора © Bailey Hannah

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Марины Мухаметзяновой*

Ханна, Бейли.
Х19 Когда оживает сердце / Бейли Ханна ; [перевод с английского М. Мухаметзяновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-210828-0

Сбежав из города, Сесиль оказывается на скотоводческом ранчо. Здесь, среди прерий и запаха свежескошенной травы, она получает шанс начать новую жизнь.

Суровый и замкнутый босс Сесиль, Остин, уверен: избалованная красавица не задержится здесь надолго. И все-таки, когда прошлое стучится в дверь, герои понимают: иногда сердце может ожить там, где совсем этого не ждешь.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

© Мухаметзянова М., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210828-0

Городским девчонкам,
очарованным ковбойской романтикой,
и девчонкам с ранчо,
знающим, что выдуманный ковбой
всегда лучше настоящего.

От автора

История моих героев разворачивается на ранчо, и мне не хотелось бы замалчивать тему обращения с животными. Вот почему в книге упоминаются убой и кастрация, описывается клеймение. Владельцы ранчо — не садисты; на кастрацию, клеймение, убой есть весьма уважительные причины. Надеюсь, я сумела донести их до читателя. Если бы я этого не сделала, моя семья, занимающаяся разведением скота на ранчо, огорчилась бы.

На ранчо Уэллс используют традиционный «горячий» способ клеймения: тавро, нагретое на газу или дровах, выжигает волосяные фолликулы, препятствуя дальнейшему росту шерсти. В некоторых странах популярность набирает «холодный» метод, при котором замороженное тавро разрушает пигментные клетки фолликулов, навсегда обесцвечивая шерсть. У обоих способов есть плюсы и минусы, а в некоторых странах слишком жестокими считаются и тот и другой.

Ранчо Уэллс — вымышленное место, но у него есть реальные прототипы в Британской Колумбии. Здесь по-прежнему чаще используется «горячий» метод, поэтому именно его я выбрала для книги.

Если вы когда-нибудь побываете на клеймении, не ешьте «устрицы Скалистых гор» *(Прим. пер.: американское и канадское блюдо из бычьих яичек).*

Книга заканчивается объявлением о беременности. Если вам это не по душе, не читайте второй эпилог — вы ничего не пропустите. Берегите себя!

Внимание! Шок-контент:

Домашнее насилие: психологическое, эмоциональное и физическое (описывается)

Оружие (показано, но не используется)

Физическое насилие (описывается)

Смерть одного из родителей от рака (обсуждается, не показана)

Смерть дедушки или бабушки (обсуждается, не показана)

Проблемные детско-родительские отношения (обсуждаются, не показаны)

Употребление алкоголя

Работа со скотом: связывание, клеймение, кастрация, вакцинация (описываются), убой животных (обсуждается, не показан)

Эротические и сексуальные сцены

Добро пожаловать на ранчо Уэллс!

1

Сесиль

Большую часть дня я провела, составляя перечень способов убийства. Записывала прямо на обороте чека из продовольственного магазина.

Переведя взгляд со своих каракулей на часы микроволновки, я чиркаю спичкой и сжигаю улику. Вовремя: фары машины Кей-Джея вспыхивают в маленьком окошке над кухонной раковиной. Торопливо смываю пепел в сток.

— Как на работе? — Фальшивая улыбка на моих губах выглядит совершенно натуральной. Мастерство приходит с опытом.

— Скажем так, я счастлив вернуться домой. — Он целует меня в лоб и властно прижимает к груди.

В нос шибает крепким запахом одеколона, и я невольно съеживаюсь от напряжения. Кей-Джей с шумом втягивает воздух. Господи, только бы дыма не унюхал, ва-

нильная свечка должна была его заглушить. Ничего не заметив, он переключается на бумажные пакеты из любимого ресторана.

— Ты просто чудо, детка! Мне с тобой повезло!

Старая песня, слышали, знаем. Жалкая попытка сгладить утреннюю ссору. Впрочем, ссора — сильно сказано, орет-то лишь один. Я в это время стою столбом и мечтаю, чтобы все поскорее кончилось. Сейчас я в той же позе: вцепилась в мраморную столешницу и жду очередных придирок. К чему угодно: к внешнему виду, заказу еды, состоянию дома. Повод всегда найдется.

Пританцовывая, Кей-Джей подходит к пакетам и приподнимает крышку контейнера, чтобы взглянуть на стодолларовые суши. Между прочим, это даже не лучший ресторан в городе, просто самый дорогой.

— У тебя, наверное, было столько дел... ни минутки свободной, даже готовить некогда, — говорит он, приглаживая короткие черные волосы. — Присядь, детка, отдохни, выпей вина, а я пока накрою на стол.

Ну вот, начинается. Стою в нерешительности, ожидая продолжения. Не дождавшись, открываю шкафчик и дрожащими пальцами беру бирюзовую кружку. Не лучшая посуда для вина за двести баксов, но последний бокал разбился в воскресенье, до сих пор в дрожь бросает от воспоминаний. Наполнив чашку, на цыпочках выскальзываю из кухни.

В столовой меня встречает огромное бордовое пятно. Безмолвный свидетель произошедшего смотрит со стены укоризненно — отмыть его я так и не сумела, зато слезами полила щедро. Надо будет перед пятничным ужином с Сарой и Майком заскочить в хозяйственный за

краской. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь спросил, отчего наша стена декорирована винной кляксой.

— Ч-черт! — Его вопль громом раскатывается по дому. Честное слово, стены содрогаются вместе со мной.

— Что с тобой? — кротко спрашиваю я спустя несколько долгих секунд.

— Порезался, чтоб тебя! Тащи аптечку.

Я вскакиваю и бегу в ванную. Открываю шкафчик с лекарствами и уже неторопливо перебираю флаконы, попутно проверяя, что нужно докупить. Будто не знаю, где лежат бинты. Будто в упор их не вижу. Ах, как печально, если он истечет кровью!

— Сесиль! Где ты там, мать твою?

Наконец, с коробкой в обнимку плетусь на кухню. Он ждет, с лицом страдальца вытянув руку. На ней крошечный порез, не глубже бумажного. Го-осподи. Поранился пластиковой крышкой, наверное. А я-то уже размечталась, что он оттяпал себе пару пальцев.

— Прости, не могла найти бинты. — Я аккуратно перевязываю руку. — Ну вот, будешь как новенький. Что случилось?

— Какого дьявола палочки делают в ящике с ножами? У нас что, маленькая кухня? Да тут в футбол играть можно! Так почему я натыкаюсь на нож, когда лезу за этими несчастными палочками? — рычит он, выходя из комнаты.

Я гляжу в открытый ящик, на свеженаточенный разделочный нож, затем ему вслед. Нет, не стоит, дом потом не отмоешь.

Возвращаюсь за стол, перебирая в уме свой список. Потенциальное обвинение в убийстве первой степени напрочь лишает аппетита, так что я лениво ковыряю

кусочек имбиря, слушая вполуха, как сложно быть финансовым директором в фирме отца. Отрешенность вовсе не мешает поддакивать и вздыхать в нужных местах, и ужин проходит спокойно. Спустя три года я, наконец, научилась сохранять мир в семье.

— Отличный ужин, детка. — Кей-Джей встает из-за стола, бросая салфетку на тарелку.

Услышав телевизор в соседней комнате, я облегченно вздыхаю — еще один день прошел. Наученная горьким опытом, тихо, как мышь, убираю со стола и неспешно мою и без того чистую кухню. Если повезет, он уже будет спать, когда я закончу.

Дыхание Кей-Джея замедляется и выравнивается. Мой любимый звук, лучше только тихий шелест колес его отъезжающей машины. Убедившись, что он заснул, я выскальзываю из-под одеяла, беру мобильник и иду в ванную. Сажусь прямо на холодный кафельный пол и отправляю сообщение на один из двух номеров, которые помню наизусть, потому что не могу добавить в список контактов. Неделями я держала бумажку с цифрами приклеенной под дно шкафчика, замирая от ужаса всякий раз, когда Кей-Джей лез за чем-нибудь в нижний ящик.

Сесиль: что там с работой? Место еще свободно?

Время идет. Сколько я уже жду? Сейчас почти час ночи. Кей-Джей нашел «Джона Уика» на одном из кабельных каналов и, вместо того чтобы лечь к девятичасовым но-

востям, выпил четыре порции виски и просидел до полуночи. Робкую попытку позвать его спать он встретил обвинениями: я, мол, специально укладываю мужа в постель, чтобы заниматься втихаря черт-те чем.

Отчасти он прав: вот уже полгода я действительно делаю кое-что втайне от него — общаюсь с женщиной по имени Берил. Мы познакомились на форуме для жертв домашнего насилия. Представить не могу, что будет, если Кей-Джей узнает.

Вообще-то мне там и правда не место. Муж меня не бьет. Да, он орет, обзывает, когда зол, бьет бокалы и тарелки, но не меня. Как-то пробил кулаком гипсокартонную стену рядом с моей головой. Угрожал пару раз и еще хватал так сильно, что оставались синяки. Но по-настоящему он меня не бьет.

Зато я который день мечтаю убить мужа. Разве это не насилие?

(555) 276–9899: оно твое, милая. Тебе нужно просто решиться.

Сесиль: Ага, спасибо.

(555) 276–9899: ты решилась?

Сесиль: Я сегодня весь день размышляла, как бы его убить. Видимо, пора уходить, да?

(555) 276–9899: Не бойся, Сесиль, я тебе помогу. Ты сильная, ты справишься.

За дверью слышатся тяжелые шаги, и я лихорадочно стучу пальцами по экрану. Удалить, удалить, черт, удалить. Дверная ручка поворачивается. Господи, только бы Берил не написала еще что-нибудь. Она никогда не пишет первой, но ведь мы не закончили разговор.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — Кей-Джей быстро моргает, привыкая к яркому свету ванной.

— Месячные. Не могу уснуть. — Для правдоподобности я хватаюсь за живот. Секс у нас — редкий гость, так что плевать мужу на мои женские дела. Черт, да он понятия не имеет, что у меня спираль! Чего уж там помнить про месячные.

— Да-а? А это тебе зачем? — Темные глаза устремлены на телефон, Кей-Джей наклоняется за ним, слюна брызжет мне в лицо. — Снюхалась с кем-то, шлюха? В моем доме! Считаешь меня идиотом?

Он буравит меня глазами, ждет ответа. Зрачки расширены от ярости, изо рта несет виски. Что мне ему сказать? «Я ухожу, пока не прикончила тебя во сне»? Уж лучше признаться в измене. Может, тогда он сам вышвырнет меня из дома.

Нижняя губа предательски вздрагивает, и муж ухмыляется, заметив мой страх.

— Нечего возразить, да? Так это правда, твою мать! — Его пальцы крепче сжимают телефон, по стеклу расползается паутинка трещин. — Поболтай теперь со своим хахалем, шалава!

Я вздрагиваю. Это не первый сломанный телефон, завтра же он привезет новый и еще какой-нибудь подарок в качестве извинения. Обидно, что впервые за долгое время я действительно могла уйти. Ну или хоть попытаться. Без телефона мне не связаться с Берил, не узнать, где она живет. А значит, я останусь здесь еще на двадцать четыре часа.

— Скажи хоть что-нибудь, потаскуха!

Разъяренное лицо нависает надо мной. Совсем близко, будто для поцелуя. От мысли о его губах накатывает тошнота.

Неуклюже пытаюсь встать на ноги или хотя бы немного отодвинуться. Что бы он ни кричал, отвечать нельзя — это спровоцирует скандал. Не хочу скандала, не сегодня. У нас ведь был такой хороший вечер.

Он толкает меня в плечо, и я падаю с корточек на задницу. Острая боль разливается по руке.

Он что, уда... он ударил меня?

Нет-нет, я просто потеряла равновесие.

Закрыть глаза на следующий удар не получается.

Да. Все именно так. Он меня бьет.

— Скажи что-нибудь! — орет Кей-Джей прямо мне в лицо.

— Я больше не могу, — шепчу я сквозь слезы и едва слышу себя из-за пронзительного звона в ушах.

— Чего-о?

— Ничего, прости, — яростно мотаю головой.

Глупо, глупо, как же глупо! Ничему я не научилась за три года.

— Ты больше не можешь? После всего, что я для тебя сделал? Дом, машина, любые хотелки! — Он буквально захлебывается гневом. — Ну и вали, неблагодарная тварь! Найду себе кого-нибудь посимпатичнее. Думаешь, и ты найдешь, да? Как бы не так. Таких, как ты, парни насквозь видят. Еще приползешь обратно, алчная шлюха!

К моему удивлению, он встает и выходит, хлопнув дверью. Из комнаты доносится грохот ломающейся мебели и звон стекла. Надо запереться, но тело будто приклеено к полу. Вот почему не следовало открывать рот.

Внезапно наступает оглушительная тишина. Лишь через несколько минут я нахожу в себе силы подняться и выйти.